

Татьяна Владимировна Краюшкина¹
kvtbp@mail.ru

ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

На материале песен периода Гражданской войны, зафиксированных на территории Сибири и Дальнего Востока в 1918—1971 гг., рассматривается власть в системе духовно-ценностных ориентиров. Фольклор выступает способом передачи последних, причём их схожие комплексы транслирует устное творчество различных этносов. Отличие же данных комплексов заключается в оценке, уровне восприятия обозначенных категорий конкретным народом. Важен и фольклорный жанр, так как именно он предъявляет свои требования к отбору характеристик, составляющих каждый конкретный элемент духовно-ценностных ориентиров. Изучение представлений о власти показывает пути внедрения новых воззрений, проникающих в фонд устного народного творчества путём фольклоризации, и опыт их взаимодействия с традиционными категориями. Новый жанр под влиянием внешних факторов начинает транслировать изменённое восприятие традиционного компонента. При анализе песенного фольклора было выявлено, что в текстах периода Гражданской войны содержится чёткая оппозиция власти бедных и власти богатых, где первая получает положительную оценку, вторая — отрицательную. В статье характеризуются способы реализации в песенном фольклоре этих представлений. Делаются выводы о том, что фольклоризация становится не только способом пополнения фольклорного фонда, но и средством внедрения новых воззрений в традиционный комплекс духовно-ценностных ориентиров. Происходит изменение в их системе, значимой становится борьба за власть, начинает действовать новая система координат, связанных с противостоянием *власть богатых — власть бедных*, встраиваемым в традиционное представление *о своих и чужих*. Одновременного обращения к власти бедняков и власти богачей в текстах не выявлено, что расценено

---

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

как психологическое избегание: не власть борется с властью, а народ за или против неё, т.е. изображается не конфликт властей, а противостояние народа и старой власти.

Ключевые слова: песенный фольклор, русские народные песни, Гражданская война, власть, манипуляции, духовно-ценностные ориентиры, Сибирь, Дальний Восток.

Tatiana V. Krayushkina²

kvtbp@mail.ru

**RULE IN THE SYSTEM OF SPIRITUAL AND VALUE ORIENTATIONS
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN FOLK SONGS
DURING THE CIVIL WAR OF SIBERIA AND THE FAR EAST)**

Based on the songs of the Civil War period, recorded on the territory of Siberia and the Far East in 1918–1971, the author examines power in the system of spiritual values. Folklore acts as a way of transmitting spiritual and value orientations, and the oral creativity of various ethnic groups broadcasts a similar complex. The difference between the complexes of spiritual and value orientations of different peoples lies in the assessment, the level of perception of the designated categories by a specific ethnic group. The folklore genre is also important, since it is it that makes its own requirements for the selection of characteristics that make up each specific element of spiritual and value orientations. The idea of power shows the ways of introducing new ideas that penetrate into the fund of oral folk art through folklorization, and the experience of its interaction with traditional categories. A new genre, influenced by external factors, begins to broadcast a changed understanding of the traditional component. When analyzing song folklore, it was revealed that the power in the songs of the Civil War period shows a clear gradation of ideas about power: the power of the poor and the power of the rich, the first receives a positive assessment, the second – negative. The article describes the ways of implementing ideas about the power of the poor and the rich in folk songs. It is concluded that folklore is becoming not only a way to replenish the folklore fund, but also a means of introducing new ideas into the traditional complex of spiritual and value orientations. There is a change in the system of spiritual and value orientations, the struggle for power becomes significant, a new system of coordinates related to the opposition of power begins to operate: the power of the rich is the power of the poor, embedded in the traditional idea of friends and foes. The texts did not reveal the simultaneous appeal to the power of the poor and the power of the rich, which is regarded as psychological avoidance: it is not the power that fights the power, but the people for or against it, i.e. it is not a conflict between the authorities that is portrayed, but the confrontation between the people and the old government.

Keywords: song folklore, Russian folk songs, Civil war, rule, manipulations, spiritual values, Siberia, the Far East.

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Устное народное творчество — сложный механизм, выполняющий в жизни народа, его создавшего, ряд значимых для национального самосознания функций. Это способ сохранения нации, трансляции себя, своего мира и видения своего мира другим народам. Это защитный барьер от разрушительного влияния других этносов. Фольклор усваивает чужое, перерабатывая на свой лад, сообразно собственной системе представлений. И чужое становится своим, безопасным. Так посредством устного творчества происходит диалог народов. Формирующийся на протяжении веков, впитавший в себя мифологические представления и знания о социальных институтах прошлого, принципах восприятия других людей и взаимодействия с ними, фольклор становится и способом передачи духовно-ценностных ориентиров конкретного этноса. Да, безусловно, элементы комплексов таких ориентиров у разных народов в целом совпадают: туда непременно входят вера, Родина, семья, любовь, дружба и прочие категории, в том числе и власть, вынесенная в заглавие данной статьи. Но важной для изучения духовно-ценностных ориентиров оказывается характеристика, оценка обозначенных категорий конкретным этносом. Немаловажную роль в этом играет жанр, в котором и реализуется тот или иной элемент рассматриваемой системы, поскольку именно жанр предъявляет свои требования к отбору характеристик, составляющих каждый конкретный элемент духовно-ценностных ориентиров.

С этой позиции показателен позднетрадиционный фольклор, к которому, помимо частушек, песен царской неволи, Первой мировой и Великой Отечественной войн, песен красноармейцев и краснофлотцев, пионеров и молодёжи, относятся и песни периода Гражданской войны. Именно позднетрадиционный фольклор, в сравнении с фольклором классическим, ярче демонстрирует процессы усвоения нового, поскольку его фонд активно формировался посредством фольклоризации.

Цель данной статьи — выявление особенностей функционирования представлений о власти в песнях периода Гражданской войны. Новизна исследования заключается в том, что ранее данные представления на материале песен периода Гражданской войны не становились предметом особого рассмотрения.

В качестве материала для исследования был выбран песенный фольклор периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока, всего — 345 текстов, зафиксированных в 1918—1971 гг. на территории Бурятской ССР, Якутской ССР, Алтайского края, Амурской области, Иркутской области, Красноярского края, Приморского края, Томской области, Хабаровского края, Читинской области. В значительном массиве песен выявлено 27 текстов (т.е. 7,8% от общего количества), в которых упоминается власть, при этом в 25 из них обозначенный мотив используется по одному разу, а в двух других — дважды и четырежды соответственно [1; 6; 7; 8]. Несмотря на небольшую популярность этого мотива, он остаётся важным для верного понимания системы духовно-ценностных ориентиров, которую транслировали песни периода Гражданской войны.

Значимо для качественного анализа данной темы изучение источников возникновения указанных текстов. Формирование фольклорного фонда происходит несколькими способами: во-первых, путём заимствования и переработки с учётом менталитета воспринимающего народа из фольклорных фондов других этносов; во-вторых, переработкой текстов, известных ранее в фонде данного народа; в-третьих, переработкой авторских текстов — так называемый процесс фольклоризации, когда то или иное произведение художественной литературы, находя отклик в народе, изменяется с учётом фольклорной традиции и становится полноценным образцом народного творчества. Для песен периода Гражданской войны характерны второй и третий способы пополнения фонда, но встречается и первый. Итак, посмотрим, какие же именно народные песни или авторские стихотворения послужили основой для анализируемых текстов, в которых был выявлен компонент *власть*.

На момент написания статьи удалось выяснить пути создания 15 текстов из 27. 13 песен восходят к авторским стихотворениям начала XX в., сведения о них скупы. «Бери винтовку!» возникла на основе произведения А. Герасимова. Автором стихотворения 1918 г. «Я житель Сибири безбрежной», путём фольклоризации вошедшего в фольклорный фонд песней, является И.В. Цыпилов, причём это тот редкий случай, когда автор вплетает своё имя в строки стихотворения (*Пусть бедняки все узнают, / Мое имя Иван Цыпилов* [1, с. 52]). «В долине Сучана» написано Виталием Кручиной, партизанским поэтом. Создателем стихотворения «Харашибирь жгли бандиты» считается партизан Брянский. Бывало, что произведения, появившись из-под пера одного автора, перерабатывались другими, причём неоднократно, и только после этого входили в фольклорный фонд. Такая судьба у песни «Ах вы горы, горы крутые». Стихотворение написал партизан Фёдор Степанович Настобурский, после переработал П.Е. Щетинкин, а затем свою правку внёс партизан Тимофей Ипполитович Рагозин.

Авторы других текстов точно неизвестны, они лишь предполагаются. К числу таких относится стихотворение «О жизни Забайкалья при Семёнове», его мог написать Антон Каменщиков или Николай Попов, чей псевдоним Антон Бывалый. О создателе стихотворения «В холодной далёкой Сибири», опубликованного 1 мая 1921 г. в газете «Каменская правда», известны только инициалы — Н.Г., но при этом до наших дней дошла точная дата написания — 20 апреля 1921 г.

Имена других поэтов и вовсе утрачены, сохранились только сведения об их статусе, в котором они создавали стихотворения, причём в этом случае речь идёт об авторском коллективе. О произведении, на основе которого возникла песня «Памяти П.Н. Журавлева», известно, что оно было написано несколькими ранеными в лазарете. Стихотворение «Свисток паровоза» создали заключённые в Нерчинской тюрьме.

Но об авторах других песен не сохранилось даже такой скудной информации, известно лишь название издания и дата выхода в свет. Таким

образом, посредством публикации в газетах стихотворения воспринимались народом и становились песнями. «За тех, кто жертвой пал идей» было опубликовано 10 марта 1918 г. в «Сибирской рабоче-крестьянской газете», «Колыбельная песня» — 7 января 1921 г. в газете «Амурская правда». Стихотворение «Власть железной воли», авторство и год создания которого утрачены, ждала интересная судьба. Распространяемое на листовках, оно было широко известно, его строки высекались на памятниках периода Гражданской войны, а также использовались в качестве эпитафий в изданиях о данном времени. Не только газеты и листовки, но и книги работали на пополнение фольклорного фонда. Стихи «На смерть Мухина», которые в 1919 г. сложил автор под псевдонимом Амнистированный, вошли в сборник «Красная Голгофа», опубликованный издательством «Амурская правда» в 1920 г.

Ещё две песни имеют отношение к поэзии 30-х гг. XIX в. и русскому фольклорному фонду. «Плётка властелина» является переделкой известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины», а «Последний нынешний денёчек» — переработанная народная песня рекрута, где герой прощается с друзьями перед уходом в армию.

В исследованном материале *власть* чётко подразделяется на две категории: власть бедных и власть богатых, причём 2/3 текстов обращаются к первому варианту, и лишь 1/3 — ко второму. Именно власть становится вождельной целью, нивелируя все прочие потребности человека. Позднетрадиционный фольклор транслирует представление о власти, идущее вразрез с традиционным мировосприятием, способствуя разрушению стабильного восприятия незыблемости существующей власти, фиксируемого в классическом фольклоре. У народа появляется потребность, которой не было прежде, — потребность обладать властью. Причём речь идёт о стремлении, не связанном со сменой социального статуса (когда младший крестьянский сын-дурачок становился мужем царевны и наследовал царство в волшебных сказках, пьяница-сапожник получал пусть и временную, но власть над злой царицей в сатирических сказках).

Итак, какой же предстаёт власть бедных в песнях периода Гражданской войны? А.В. Сергеева, исследуя менталитет русского народа, говорит о наличии нескольких типов поведенческих ориентаций: на коллективизм, на духовные ценности, на власть, на лучшее будущее, на быстрое решение жизненных проблем [5, с. 143]. При этом реакция на власть реализуется в чинопочитании, сотворении кумиров, управляемости [5, с. 143]. Видимо, поэтому представление о власти бедных легко внедряется в умы народа, становится его потребностью.

Как данная категория обозначается в текстах? Важна в описании принадлежность власти самому народу. Это *власть батраков, пролетарская власть, крестьянская власть, народная власть*. Встречаются и перечисления властей: *За власть рабочих, власть крестьян, / За власть трудящихся всех стран* [1, с. 60]; *за власть крестьянскую, за рабочую*

Советскую [1, с. 117]. Используются в песнях и местоимения, обозначающие принадлежность конкретному лицу или социальному классу: *наша народная власть, своя власть, власть его [рабочего] воли железной*. Впрочем, есть и определения с апелляцией к конкретному органу власти: *советская власть, трудовая власть Советов*. В песнях встречается установка на непобедимость власти пролетариата: *Трудовую власть Советов / Враг не победит* [1, с. 223].

Действия, связанные с властью бедняков, имеют отношение к прошлому, настоящему или будущему времени, но всегда сопряжены с проявлением активной жизненной позиции, причём как одного человека, так и группы. Если речь идёт о группе, то используется местоимение 1 л. мн. ч. *мы*, включающее слушателя песни в число борцов за власть. За неё *восстают, бьются, дерутся, борются, ведут войну*, обещают *постоять*. При этом важным представляется элемент отстранённости: тот, кто дерётся, делает это не для себя лично, но для других, в том числе и для подрастающего поколения:

*Последни нонешни годочки
Ведем войну за свою власть,
Пускай сыны и наши дочки
Страною будут управлять* [1, с. 190].

Считается, что «...потребность власти является обязательно и необходимо присущей каждому человеку без исключения» [3, с. 19]. Может быть, именно поэтому у самих же борцов в песнях вообще не обозначена тяга к власти. Так они становятся примером для подражания. Им разрешено лишь отстаивать власть. Ни в одном из проанализированных текстов не было выявлено желаний, потребности власти у бедняков. Поскольку важно не только воевать за неё, но и не претендовать на власть самим, власти пролетарской *служат и подчиняются, власть Советов признают и отдают Советам*:

*Вьются флаги трудовые
Ярким, красным цветом,
А на них слова святые:
Вся власть труду, Советам!* [1, с. 114]

Служение народной власти идёт вразрез с традиционным представлением о будущей службе рекрутов, которых оплакивали, провожая как на смерть. В песнях же периода Гражданской войны герой просит не плакать невесту, так как его служба связана со служением пролетарской власти, что встраивается в другую систему координат: *служение царской власти — горе* (и горем становится уже не многолетняя разлука с семьёй, а служба царю) / *служение советской власти — радость*:

— Ты не плачь, не плачь по мне,
 Моя дорогая,
 Не царю служить иду
 И не своре царской,
 Еду в армию служить
 Власти пролетарской [8, с. 225].

Важным оказывается привлечение к этому и женского взрослого населения. Если мужчины участвуют в военных действиях, то женщины выражают свою поддержку власти бедняков словом, за что становятся жертвами физического насилия со стороны белогвардейцев. В песне «В холодной далёкой Сибири» описывается следующая ситуация. В дом врывается *шайка бандитов* и под угрозой для жизни женщины спрашивает её о выборе власти:

Хватает за горло жену:
 — Какой подчиняешься власти?
 «Советской!» — «Советской?» — «Ведите в тюрьму!»
 — Помилуйте, что же такое,
 За что такой дикий кошмар?
 Но вместо ответа на это
 Последовал тяжкий удар [1, с. 232].

Борьба за народную власть стабильно связана с идеей жертвенности и со стороны мужского населения. Мужчины осознанно идут на смерть за власть Советов, причём это жертва предполагаемая, ещё не совершённая. Она подразумевается как групповая (*За Советскую мы власть / Будем головы все класть* [1, с. 120]), так и индивидуальная:

*Если ж я расстрелян буду
 Перед солнечным рассветом, —
 Умирая, не забуду
 Крикнуть громко: Власть Советам!* [1, с. 114—115]

С.Б. Каверин отмечает связь власти и собственности: «Неразрывная связь власти и собственности проявляется по-разному. Неимущий, лишённый всякой собственности, легко управляем — потому что зависим. <...> Но можно рассуждать и по-другому: чтобы сделать человека покорным, нужно наделить его собственностью, тогда он будет опасаться потерять имущество (или привилегии), и это сделает его вполне послушным» [3, с. 13]. В исследованном песенном материале очевидна первая модель, но и вторую модель используют большевики — страх потерять обещанную землю. Лозунг «За землю!» включается и в тексты песенного фольклора.

В анализируемых текстах производится оценка смерти за власть. Более почётной оказывается гибель в бою, а не в результате позорной казни.

Герои одной из песен соперещивают казнённому товарищу, поскольку его смерть оказалась не такой, как ожидалось. Так в песнях исследуемого периода был сформирован новый образец идеальной смерти — за народную власть на поле боя:

*Ты свободе служил, был народным бойцом,
И судьбой награжден ты терновым венцом.
Не в священном бою за народную власть,
Не среди баррикад суждено тебе пасть,
А на плахе лихой, безоружный, один,
Гордо встретил ты смерть, как герой, гражданин.
Осудили тебя на позорную казнь [1, с. 185].*

Меньшее внимание уделяется в анализируемом материале власти богатых. Но её оценка происходит по схожим критериям. Это характеристики, реализуемые через эпитеты и принадлежность, а также действия, которые производит власть или производят / планируют произвести над нею. Важной оказывается и дислокация, чего не было выявлено в представлениях о власти бедняков. Безусловно, эпитеты описывают власть со знаком минус. Это *власть насилья и вражды, кулаков, произвола, капитала*, она *позорная, буржуйская*:

*Работница, бери винтовку.
Вставай с рабочими в ряды.
Мы зададим буржуйам потасовку,
Сметем их власть насилья и вражды! [1, с. 49]*

А.В. Сергеева пишет: «Для русских характерна ориентация на общественное мнение (мир, общество, государство, коллектив сотрудников), горячая жажда справедливости, приоритет эмоциональных ценностей перед материальными, взаимопомощь, беспечность...» [5, с. 136]. Вот на эту горячую жажду справедливости и опираются манипулятивные технологии, внедряющие в народное сознание новые духовно-ценностные ориентиры.

О власти богатых в песнях стабильно упоминается в привязке к локусу бедняков, т.е. конфликт возникает тогда, когда власть богатых дислоцируется на территории, которую бедняки считают своей. Это может быть как малая родина, например посёлок (*Шибирь*) или крупный населённый пункт (Чита и прочие города Сибири и Дальнего Востока), так и регион (*страна забайкальская*) или же вся страна. Иногда подобным локусом становится даже природный объект (например, *Заганский хребет*, расположенный в Селенгинском среднегорье на юго-западе Забайкалья):

*На Шилке, Аргуни,
В Чите и Копуни
Семенов расстрелы чинил [1, с. 172].*

Показательны действия, которые производит власть богатых, она одновременно сильна и не уверена в своих возможностях: *царствует*, но при этом *трепещет* от страха перед начавшимся восстанием. Действия, применяемые к власти, связаны с агрессивным освобождением от неё, так, например, её необходимо *смести*.

«Слово само по себе обладает гипнотическим воздействием. Закрывающийся в слове элемент суггестии (внушения) оказывает воздействие на психику путём формирования в бессознательном индивида соответствующих образов, транспортирующихся в последующем, посредством ассоциаций, в сознание и приводящих к обыгрыванию в сознании иллюзий бессознательного» [2, с. 178]; «...главный манипулятор во все времена — власть...» [2, с. 192]. В песенном фольклоре в ярких красках описывается происходящее с людьми. При этом активно используются манипулятивные технологии, призванные активизировать у слушателей ненависть и жажду борьбы: изображаются плач детей, яростные крики взрослых, применение физического насилия и уничтожение невинного населения и безоружных пленных, грабежи, допущение голода, отдача российских земель интервентам:

*Там плачут голодные дети
И катится ярости крик,
Там свищут кадетские плети,
Сверкает отточенный штык* [1, с. 109].

Цитируя определение власти из словарей С.Н. Южакова, Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, С.Б. Каверин приходит к таким выводам: «Про наличие потребности власти прямо не говорится, но из текста можно заключить, что потребность власти есть потребность в насилии» [3, с. 6]. Подобное представление в рассмотренных песнях прочно связано исключительно с властью богатых.

К.Ж. Нагапетян, рассматривая сакральный и секулярный модусы русского фольклора, утверждает: «Секулярный модус фольклора формировался в условиях зарождения государственного самосознания и был связан с процессами деритуализации и десакрализации. Часто они были связаны с образом земного правителя, страх перед которым оказывался сильнее, чем страх перед Богом» [4, с. 111]. В песнях периода Гражданской войны власть правителя нивелируется, он переходит в другую категорию — становится врагом. Называются следующие ключевые фигуры, символизирующие власть богатых: *Колчак*, *свирепствующий Семенов*, *проклятый Семенов*. Причём действия, совершаемые подчинёнными людьми, приписываются исключительно их предводителю: *Он вешает, расстреливат, / Везде сует кулак* [1, с. 115], обещает *возвернуть* власть буржуев. В одной из песен проявляется непривычное для традиционной культуры противопоставление *тиран — любовь*: любви нет там, где есть власть тиранов. Любовь способна *засиять* только после их падения: *Скоро тиранов не будет, / И засияет любовь* [1, с. 185].

В исследуемом жанре поднимается вопрос, который не ставился в классическом фольклоре. Речь идёт о доверии / недоверии к власти и насильственных способах его получения. Отражено представление о доверии, непосредственно связанное с событиями периода Гражданской войны. В песне, обращённой к плётке властелина, есть следующие строки: *Как ты вбивала в мысль народа / Доверье к власти кулаков* [1, с. 229]. Лишь в одном тексте описывается отношение к власти богатых после начавшегося восстания; ценной здесь оказывается реакция народа, встроённая в систему координат страха и приятия: *Никто не чтит уж больше атамана, / Никто не стал бояться-признавать* [1, с. 172]. Т.е. активно используемые в песнях примеры страдания народа оказываются более действенными для формирования у людей большевистского мировосприятия, чем выстроенные на уровне констатации модели поведения героев песни. «...Власть... — суть способ выживания», — считает С.А. Зелинский [2, с. 13]. Видимо, в том числе и с этим связано такое активное внедрение в песенный фонд представлений о власти бедняков.

Итак, песни периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока, несмотря на сравнительно небольшое количество текстов, упоминающих о власти, показательны для изучения реализации представлений о ней в позднетрадиционном фольклоре, наглядно демонстрируют их функционирование в системе духовно-ценностных ориентиров. Фольклоризация становится не только способом пополнения фольклорного фонда, но и средством внедрения новых представлений в традиционную картину мира.

В песнях обозначенного периода происходит разделение власти на два компонента: власть бедных и власть богатых. Если в классическом фольклоре была актуальна система координат *власть имущий — не имеющий власти*, то в анализируемых песнях происходит изменение духовно-ценностных ориентиров, связанных с властью: значимой становится борьба за власть, начинает действовать другая система координат, связанных с противостоянием *власть богатых — власть бедных*, встраиваемая в традиционное представление *о своих и чужих*, где *своё* — это власть бедных, *чужое* — власть богатых.

Власть богатых в исследованном материале всегда оценивается со знаком минус, власть бедных — со знаком плюс, первая осуждается и транслируется как вражеская, вторая одобряется и подаётся как единственно верная. Несмотря на довольно примитивное, упрощённое представление о власти, транслируемое в песнях периода Гражданской войны, а скорее всего, благодаря ему, данные тексты пользовались большой популярностью в народе и внедряли в его сознание представление о власти с позиции большевиков. Показательно, что в исследованном материале ни в одном из текстов не встретилось одновременного обращения к обоим типам власти: или один, или другой. Это своего рода психологическое избегание, особая психологическая позиция: не власть бьётся с властью, а народ за или против неё, т.е. материал подан не как конфликт двух властей, а как противостояние народа и старого режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
2. Зелинский С.А. Манипулирование личностью и массами. Манипулятивная технология власти при атаке на подсознание индивида и масс. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2008. 240 с.
3. Каверин С.Б. Потребность власти. М.: Знание, 1991. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия: Теория и практика социализма. № 2).
4. Нагапетян К.Ж. Сакральный и секулярный модусы русского фольклора // Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира: сб. науч. ст. по мат. VI Всеросс. науч.-практ. конф. / отв. ред. П.Л. Зайцев. Омск: ОмГУ, 2017. С. 110—111.
5. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2005. 320 с.
6. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 255 с.
7. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: ДВГУ, 1986. 288 с.
8. Фольклор казаков Сибири / сост.: Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО РАН, 1969. 364 с.

REFERENCES

1. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Compl. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)
2. Zelinskiy S.A. *Manipulirovanie lichnost'yu i massami. Manipulyativnaya tekhnologiya vlasti pri atake na podsoznanie individa i mass* [Manipulation of Personality and Masses. Manipulative Technology of Power when Attacking the Subconscious of the Individual and the Masses]. Saint Petersburg, Izdatel'sko-Torgovyy Dom "Ski-fiya" Publ., 2008, 240 p. (In Russ.)
3. Kaverin S.B. *Potrebnost' vlasti* [The Need for Rule]. Moscow, Znanie Publ., 1991, 64 p. (Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Seriya "Teoriya i praktika sotsializma" [New in life, science, technology. Series: Theory and Practice of Socialism]. No. 2). (In Russ.)
4. Nagapetyan K.Zh. *Sakral'nyy i sekulyarnyy modusy russkogo fol'klora* [Sacred and Secular Modes of Russian Folklore]. *Vizual'nye obrazy sovremennoy kul'tury: svetskie i religioznye strategii postroeniya zhiznennogo mira: sb. nauch. st. po mat. VI Vseross. nauch.-prakt. konf.* [Visual Images of Contemporary Culture: Secular and Religious Strategies for Building a Living World: collection of articles scientific. stat. by mat. VI All-Russian scientific and practical conf.]. Executive ed. P.L. Zaitsev. Omsk, OmGU Publ., 2017, pp. 110—111. (In Russ.)
5. Sergeeva A.V. *Russkie: Stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'*. 3-e izd. [Russians: Stereotypes of Behavior, Traditions, Mentality. 3rd ed.]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2005, 320 p. (In Russ.)
6. *U klyuchika u gremuchego: Dal'nevostochnyy fol'klor* [At the Rivulet at the Thundering: Far Eastern Folklore]. Comp. by L.M. Sviridova. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1989, 255 p. (In Russ.)
7. *Fol'klor Dal'nerech'ya* [Folklore of the Dalnerechie Region]. Comp. by L.M. Sviridova. Vladivostok, DVGU Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
8. *Fol'klor kazakov Sibiri* [Folklore of the Cossacks of Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevsky. Ulan-Ude, Buryatskiy filial SO RAN Publ., 1969, 364 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 26.02.2021